

Геннадий Авласенко

Разрешите стать вашим слугой

Фантастическая повесть

Введение

Средние века. Где-то в Англии...

Представьте себе... рыцарский турнир.

Обыкновенный, самый заурядный рыцарский турнирчик местного, прямо скажем, значения. Впрочем, поле для состязания, а, попросту говоря, ристалище, тут довольно приличное, рыцари тоже один великолепнее другого... ну, а галереи для зрителей плотно заполнены нарядной благородной публикой.

Вот на ристалище выезжают два рыцаря в сверкающих доспехах, в шлемах со страусовыми перьями. Вот они замерли, низко опустив копья, вот раздаётся сигнал, и противники начинают стремительно мчаться друг на друга. Всё ближе, ближе... и вот они уже сшибаются на самой середине ристалища, причём, один из рыцарей пробкой вылетает из седла и, громыхая доспехами, тяжело катится по траве. Ну, а его победитель, подняв в знак своего торжества копьё и лихо

вздыбив лошадь, вызывает тем самым целый гул восторженных воплей и рукоплесканий.

— И вновь победу одерживает доблестный рыцарь, сэра Гамильтон! — звучит над трибунами громовой возглас герольда. — Поприветствуем же доблестного рыцаря, дамы и господ!

Под неутихающий гул рукоплесканий сэра Гамильтон подъезжает к своему шатру и с помощью оруженосца медленно слезает с лошади. В это же время к его поверженному сопернику торопливо подбегают слуги и, ухватив бедолагу за руки и за ноги, без всякого почтения уволакивают с арены.

Зрители на галереях меж тем постепенно успокаиваются, явно готовясь к продолжению кровавой сей потехи. И действительно, почти сразу же громко затрубили трубы, и вновь раздался зычный возглас герольда:

— Сэр Гамильтон вызывает на поединок следующего соперника! — кричит, надрываясь, герольд. — Ну, что же вы, доблестные рыцари?! Сражайтесь! Преломите свои копья в честь прекрасных дам, храбрые рыцари! Неужели никто больше не осмелится бросить вызов доблестному сэру Гамильтону?!

В это же время чуть в стороне от ристалища стоят и спорят о чём-то между собой два человека: юноша в рыцарских доспехах, держащий за узду

оседланную лошадь, и довольно пожилой господин, по всей видимости, его отец.

Прислушаемся к их беседе:

ЮНОША. Папа! Я боюсь!

ОТЕЦ. Стыдись, сын мой! Что ты говоришь такое?!

ЮНОША. Говорю, что думаю! У меня ни единого шанса на победу!

ОТЕЦ. Шанс всегда есть, сын мой!

ЮНОША. Да, но не с этим костоломом! Он уже пятерых поверг наземь, причём двоих унесли с арены в тяжёлом состоянии!

А теперь, покинув на время доблестных сих джентльменов, перенесёмся на трибуны. Кстати, вон там, совсем неподалёку, сидят три молодых женщины, вернее, дамы. Послушаем же, о чём они так горячо толкуют...

ПЕРВАЯ ДАМА. Ах, он такой душка, этот сэръ Гамильтон!

ВТОРАЯ ДАМА. И не говорите, миледи! Жаль только, что он так некрасив!

ТРЕТЬЯ ДАМА. Красота для рыцаря — дело второстепенное!

ВТОРАЯ. И он уже далеко не молод...

ПЕРВАЯ. Неважно! Главное, чтобы у него...

Она шепчет что-то сначала второй, а потом и третьей даме на ухо, те прыскают от смеха.

ВТОРАЯ. Быть не может!

ТРЕТЬЯ. Представляю себе этого толстяка в такой позе!

ПЕРВАЯ. Уверяю вас! И притом, это продолжалось...

Что ж, довольно нескромно с нашей стороны подслушивать откровенно женские разговоры. И, кстати, совсем неподалеку ведут неспешную беседу два знатных кавалера. Прислушаемся лучше к их диалогу...

ПЕРВЫЙ. Откуда он взялся, этот сэръ Гамильтон? Почему я раньше о нём даже не слыхивал?

ВТОРОЙ. О, это большая тайна, мой друг! Тут я тоже теряюсь в догадках. (*Шёпотом, наклонившись к уху собеседника .*) Дело в том, что этот сэръ Гамильтон — мой сосед.

ПЕРВЫЙ. Вот как? И в чём же тут тайна?

ВТОРОЙ. Я знаю его вот уже много лет. И, признаться, до нынешней весны даже не подозревал, что этот толстяк способен на такое!

ПЕРВЫЙ. Вот как?!

ВТОРОЙ. Он даже в юности не жаловал верховую езду, предпочитая передвигаться исключительно в карете! А потом...

ПЕРВЫЙ. Что потом?

ВТОРОЙ. Потом, в самом начале нынешнего сезона, он вдруг заявился на турнир в доспехах, с копьём и заявил, что желает принять в нём участие!

ПЕРВЫЙ. Вот даже как?!

ВТОРОЙ. Все участники турнира плакали от смеха, когда об этом объявил герольд...

ПЕРВЫЙ. А потом?

ВТОРОЙ. Потом им, естественно, стало не до смеха! Этот толстяк, который до сего памятного дня и понятия не имел о благородном рыцарском искусстве, поверг назем их всех до единого!

ПЕРВЫЙ. Вот даже как?

Они умолкают.

— Ну, что же вы, благородные рыцари?! — тщетно надрыгается герольд. — Неужели никто больше не осмелится скрестить своё копьё с копьём доблестного сэра Гамильтона?!

А в стороне от ристалища отец и юноша, его сын всё ещё продолжают свой спор.

ОТЕЦ. Мой сын, ты — трус?!

ЮНОША. Да, я боюсь этого поединка! И разве я один?! Посмотри, никто из присутствующих не решается бросить вызов этому толстяку!

ОТЕЦ. Никто не решается, а ты решишь!

ЮНОША. Ну почему я?!

ОТЕЦ. Мой сын — трус! Кто бы мог подумать!

ЮНОША. Ну, хорошо, я — трус! Ты доволен?

ОТЕЦ. Нет, не доволен! Ты хочешь опозорить славное имя древнего нормандского рода Дебрианов?!

ЮНОША (*саркастически*). А если этот толстяк сшибёт меня с лошади, это не будет позором для древнего рода Дебрианов?

Ну что ж, вновь покинем на время в покое последних представителей славного рода Дебрианов, и перенесёмся в палатку доблестного сэра Гамильтона.

А вот и он сам, в доспехах, но без шлема, сидит, развалившись в кресле, невысокий толстячок с круглым лунообразным лицом. Подле него в почтительной позе стоит довольно молодой ещё человек приятной наружности в чёрном облегающем одеянии, по всему видно, его слуга. На голове у слуги бархатный берет с пером, тоже чёрный.

Они негромко разговаривают между собой, и мы вполне можем послушать занимательную их беседу.

СЭР ГАМИЛЬТОН (*довольным голосом*). Так ты говоришь, я их всех сшиб с первого раза?

СЛУГА. Именно так, мой господин. Как всегда!

СЭР ГАМИЛЬТОН. То-то! Знай наших! (*Некоторое время оба молчат.*) Я им всё припомню, все обиды! Особенно этому, сэру Макхинси!

СЛУГА. Осмелюсь доложить вам, мой господин, что доблестный сэр Макхинси три раза

изволил перекувыркнуться через собственную голову, и лишь потом слуги утащили его с ристалища в бессознательном состоянии.

СЭР ГАМИЛЬТОН. То-то! (*С кряхтеньем встаёт.*) И что, больше никого нет?

СЛУГА. Боятся, мой господин. Вы нагнали на них страху...

СЭР ГАМИЛЬТОН. То-то! (*Снаружи слышится звук рога .*) Кто там ещё? (*Выглядывает из палатки .*) Да это молокосос Дебриан! Ну, с ним-то мы быстро разделаемся...

СЛУГА (*почтительно*). Именно так, мой господин! Позвольте?

СЭР ГАМИЛЬТОН (*благодарно*). Давай!

Слуга подходит к сэру Гамильтону и тут происходит нечто совершенно невероятное. Слуга входит в господина и совершенно исчезает в нём. Сэр Гамильтон вздрагивает, лицо его искажается, в нём происходят какие-то быстроменяющиеся изменения, на какое-то короткое мгновение оно даже становится лицом слуги. Потом всё это заканчивается, сэр Гамильтон нахлобучивает шлем и твёрдой походкой выходит из шатра.

Сквозь щели шлема он отчётливо видит своего соперника. Юноша сидит на лошади, которую отец юноши ведёт, даже, можно сказать, тащит за узду.

Послушаем же продолжение диалога юноши и

его отца.

ЮНОША. Пап, если меня убьют...

ОТЕЦ. Не будем о грустном, сын мой!

ЮНОША. Нет, будем! Папа, он уже садится на лошадь!

ОТЕЦ. Будь мужественным, сын мой! Помни, десять поколений графов Дебрианов смотрят на тебя с небес!

ЮНОША (*обречённо*). Ничего, скоро я с ними встречу. Что им передать от тебя, папа?

Ничего на это не отвечая, старый граф Дебриан отпускает поводья и с силой хлопает лошадь сына по крупу. Молодой граф Дебриан (впрочем, он ещё не граф, а, скорее, виконт) пулей вылетает на ристалище, дабы встретить там свою печальную судьбу...

В это самое время прямо перед графом отцом возникают как будто непосредственно из воздуха семь странных фигур. Все они с ног до головы закутаны в чёрные балахоны, широкие капюшоны низко надвинуты и полностью скрывают лица пришельцев. Странно, но сам граф их, кажется, совершенно не замечает, как, впрочем, и все прочие зрители сего увлекательного турнира.

Семеро смотрят в сторону ристалища, где оба рыцари занимают исходные позиции, и не просто смотрят, а обмениваются при этом репликами на каком-то совершенно непонятном языке. Впрочем,

у нас с вами, уважаемые читатели, есть одно маленькое преимущество: мы можем понимать странный сей язык.

— Он здесь, мессир!

— Вижу, Винул!

— Да, но он под защитой!

— Знаю! Мастер, мы можем хоть как-то блокировать его защиту?

— Только на короткое время.

— Надеюсь, этого будет достаточно для исполнения нашего плана.

— Да, мессир, но расстояние слишком велико...

— Ну что ж, тогда нам следует подойти поближе.

— Да, но нас же заметят!

— Нас никто не заметит! Неужели ты ещё этого не понял?!

— Но он то нас заметит, мессир!

— Пускай! Он уже ничего не сможет предпринять!

Семеро, плавно скользя над самой поверхностью земли (а, может, и, касаясь её, кто знает) направляются прямо к, сидящему на лошади, молодому Дебриану. Ничего вокруг не замечая и почти ничего не соображая от волнения, молодой граф (точнее, виконт) творит молитву.

— Пресвятая дева Мария, — шепчут его

дрожащие губы. — Помоги мне одолеть этого громилу! Даже нет, сделай так, чтобы он не слишком сильно меня покалечил! Если я всё же останусь жив, пресвятая дева Мария, я поставлю в твою честь сто толстых свечек, а если я всё же одолею его, тогда я... я тогда дам обет celibата и стану смиренным послушником любого нищенствующего монашеского ордена, того, на который ты мне укажешь, о, благословенная дева Мария!

Трубит рог и молодой Дебриан, опустив забрало и выставив перед собой копьё, обречённо скачет навстречу противнику. Семеро, вытянувшись в ряд, скользят вслед за ним.

Сэр Гамильтон, а точнее, Слуга в его теле, тоже несётся навстречу Дебриану, выставив перед собой копьё. Вдруг, сквозь щели забрала он замечает зловещую семёрку, стремительно приближающуюся с вытянутыми перед собой руками.

— О, нет!

Семеро ярких зелёных лучей ударяют ему прямо в глаза и Слуга, вылетев из тела господина, описывает в воздухе широкую дугу и тяжело шлёпается на траву.

— О, нет! — шепчет он со стоном. — Только не это!

Но, увы, произошло именно это. Сэр

Гамильтон, внезапно очнувшийся и обнаруживший себя в седле, словно ополоумел. Он заорал что-то визгливым, срывающимся голосом, выронил копьё со щитом и, уцепившись обеими руками в лошадиную гриву, попытался просто удержаться в седле. Возможно, ему это и удалось бы, если бы не копьё Дебриана...

— О, нет! — в третий раз прошептал Слуга, в отчаянии закрывая глаза.

Грузное тело сэра Гамильтона, пробкой вылетев из седла, с грохотом входит в соприкосновение с землёй. А молодой сэр Дебриан разворачивает лошадь и, подняв забрало, изумлённо смотрит на неподвижное тело грозного своего противника. Он словно всё ещё не в силах поверить в блистательную свою победу.

— Победу в этом поединке одержал славный сэр Дебриан! — торжественно провозглашает герольд. — Поприветствуем же нового победителя!

Подбегают несколько служек, и за ноги тащат сэра Гамильтона к его палатке. Вид этого впечатляющего зрелища наконец-таки заставляет Дебриана поверить, что всё это не сон, и он действительно победил грозного сэра Гамильтона.

— Я победил! — неистово орёт он, потрясая копьём. — Папа, я его победил!

Победитель медленно едет вдоль трибун, на которых буквально сходят с ума от восторга

множество симпатичных девушек и молодых женщин. Они бросают победителю цветы, одаряют его ласковыми многообещающими улыбками и Дебриан тоже улыбается им всем и каждой в отдельности.

— Пресвятая дева Мария! — еле слышно шепчут его губы. — Я думаю, ты не приняла всерьёз всего того, что я наобещал тебе в полном беспамятстве! Лучше я поставлю тебе не сто, а двести свечек, договорились?

А в это время в своей палатке незадачливый сэра Гамильтон возлежит на ковре и жалобно стонет. Голова его перевязана, правая рука тоже, глаза закрыты. Рядом с ним в виноватой позе стоит слуга.

— Простите меня, мой милостивый господин! — грустно произносит он. — Я понимаю, что виноват, но...

— Ты ещё здесь, дьявольское отродье?! — хрипит, не открывая глаз, сэра Гамильтон. — Прочь!

— Но мой господин...

— Прочь, я сказал!

Вместо ответа слуга лишь виновато вздыхает, и некоторое время оба они молчат. Потом сэра Гамильтон перестаёт, наконец, издавать свои жалобные стоны и приоткрывает один глаз.

— Ты ещё здесь?! — голосом, не предвещающим ничего хорошего, осведомляется он.

Слуга снова вздыхает.

— Я виноват, понимаю, — торопливо говорит он, — но, поверьте, это произошло совершенно не по моей вине! Я сейчас постараюсь вам всё объяснить...

Сэр Гамильтон срывает с головы повязку и величественно (насколько позволяет ему поверженное его положение) приподнимается на локте.

— Мне нет дела до твоих жалких объяснений! — хрипит он, сразу же охает от боли и вновь укладывается на ковёр. — Ты опозорил меня! Мало того! Ты не сдержал своего слова!

— Но, хозяин... — умоляюще произносит слуга.

— Я тебе больше не хозяин! — с каким-то даже торжеством обрывает его сэр Гамильтон. — Наш контракт разорван! И ты не получишь моей души, чёртово отродье!

— Но хозяин, я уже тысячу раз повторял, что мне не нужна ваша душа! — возражает слуга. — Я служу вам совершенно безвозмездно!

— Так я тебе и поверил!

— Но это действительно так! Я просто ваш слуга и...

— Ты мне больше...

Слуга внезапно падает на колени.

— Не говорите этого! Особенно сейчас! Я

прошу вас, не надо этого говорить!

— Не надо?! — даже пыхтит от злости сэра Гамильтон. — После того, как ты сделал меня посмешищем перед всеми соседями и... и перед всеми соседками тоже?! Ну, всё, с меня довольно! Ты мне больше не слуга! Убирайся прочь!

«Вот и прекрасно!» — слышится неведомо откуда холодный повелительный голос.

— Что это? Кто это? — испуганно шепчет сэра Гамильтон, озираясь. — Это твои штучки?

В это время в палатку прямо сквозь её стены входят (или, вернее, втекают) семеро в чёрном одеянии. Некоторое время они молча рассматривают оцепеневшего от ужаса сэра Гамильтона, он в свою очередь смотрит на них, выпучив глаза. Потом сэра Гамильтон отползает к противоположной стене палатки и начинает неистово креститься.

— Прочь! Изойдите прочь, исчадия ада! — с трудом произносят его дрожащие губы. — Я не пойду с вами! Вы не можете меня забрать, ибо ваш искунитель не сдержал своего обещания и теперь я...

— Помолчи, жалкий земной червяк! — холодным бесстрастным голосом произносит один из семерых. — Мы не причиним тебе никакого вреда! Мы пришли за ним!

Он указывает на слугу, и сэра Гамильтон

мгновенно приободряется.

— Вот как? — произносит он, и голос его больше не дрожит. — В таком случае: забирайте его и дело с концом!

— Хозяин! — с последней надеждой шепчет слуга, и сэр Гамильтон немедленно поворачивается в его сторону.

— Я тебе больше не хозяин, — яростно рывкает он. — Сколько раз повторять!

— Замолчи! — холодно обрывает его один из семерых. — Не мешай нам!

Сэр Гамильтон с готовностью умолкает, тем более, что дальше разговор идёт на совершенно незнакомом ему языке. Впрочем, для нас с вами, уважаемый мой читатель, это не будет проблемой.

— Ну, вот и всё, кажется! — с удовлетворением произносит один из семи. — Долго же ты заставил нас погоняться за тобой, Слуга!

— И всё же, наконец, мы тебя настигли! — добавляет другой.

Семеро умолкают, в ожидании ответа того, кого они называют Слугой, но он тоже лишь молча их рассматривает.

— То есть, это вы так считаете? — наконец произносит Слуга (вернее, бывший слуга), и в голосе его слышится даже некоторая издевка, что ли.

— А ты считаешь, что у тебя и сейчас есть шанс улизнуть? — с такой же издевкой в голосе обращается к нему один из семерых.

— Не знаю, — задумчиво произносит Слуга. — Но попытаться можно. Попытка не пытка, как говорится...

— Кстати, о пытках, — перебивает его кто-то из семерых. — Его Императорское Величество уже распорядился приготовить для тебя целый арсенал новых отрезвляющих процедур. Не сомневаюсь, что ты по достоинству их оценишь.

— Я несколько не сомневаюсь в милостивым ко мне отношении Его Императорского Величества! — любезно отвечает Слуга. — Как и в вашем, впрочем...

Слуга вдруг падает на пол, как-то разом съёживается. Ещё мгновение и вот уже он превращается в... зайца, и заяц этот мчится прочь из палатки.

— Он снова пытается обвести нас вокруг пальца! — раздаётся яростный вопль кого-то из семерых. — Ну, нет уж, на этот раз так просто ему не вырваться! В погоню!

Семеро тоже падают на пол и превращаются в гончих псов. С лаем и визгом псы, перепрыгивая через сэра Гамильтона, тоже выбегают из палатки. Лай их постепенно затихает вдали.

Совершенно ополоумевший от всего только

что пережитого, доблестный сэръ Гамильтон сидит на ковре и громко икает.

Не будем ему мешать в благородном сем занятии, а проследим лучше, за дальнейшим развитием событий. Перенесёмся для этого на опушку ближайшего леса...

Вот неподалёку от неё мы замечаем зайца. Он мчится в сторону леса, потом вдруг останавливается, настороженно поднимает уши. Вдали слышен лай, который тоже быстро приближается к опушке. Поняв это, заяц вновь превращается в Слугу, который с кошачьей грацией и ловкостью начинает карабкаться на вековой дуб. И почти в это же самое мгновение у дуба оказываются гончие псы. Ещё одно мгновение — и псы тоже принимают истинный свой облик. А впрочем, истинный ли?

Семеро тяжело дышат, смотрят наверх, негромко обмениваются впечатлениями.

— Он там, наверху, мессир!

— Что он там делает, Регни?

— По-моему, снова хочет в кого-то превратиться...

— Интересно, в кого?

— В птицу, болван, в кого же ещё!

— В птицу! Эй, Странник, ты всерьёз полагаешь, что это тебе поможет?

— Во всяком случае — не повредит! —

отвечает с верхушки дерева Слуга, которого только что назвали Странником. Запомним и это его имя.

— Ты думаешь? — слышится снизу. — А теперь?

Все семеро уже держат невесть откуда взявшиеся заряженные арбалеты, и все без исключения арбалеты направлены вверх.

— Ты не передумал превращаться в птицу, Странник?

— Почему он молчит?

— Странно! Ты его видишь, Виниул?

— В данный момент, не вижу, мессир!

— А ты, Мастер?

— Тоже нет!

— Кто-нибудь видит его?

— Его нет на дереве, мессир!

— Проклятие!

— Куда он подевался? Я ничего не понимаю!

— Зато я понимаю! Он использовал нуль-транспортировку и переместился в пространстве!

— Вот как? И где же он может находиться в данный момент, мессир?

— Удовлетворю твоё любопытство. В данный момент он может находиться в любой точке этой довольно обширной планеты!

— Выходит, он снова перехитрил нас, мессир?

— Ну, уж, нет! Нуль-пространственное

перемещение оставляет хорошо различимый след, полностью исчезающий лишь по прошествии некоторого времени. Надеюсь, за это время мы сумеем его отыскать!

Семеро умолкают и просто исчезают, постепенно растворяясь в воздухе.

Исчезнем и мы. Вернее, не исчезнем, а просто последуем за ними по этому, так называемому, следу от нуль-пространственного перемещения. Не знаю, как вы, а я его тоже неплохо даже различаю. Настолько неплохо, что мы с вами сможем опередить семерых и посмотреть, чем же занимается в данный момент Слуга (он же, Странник).

* * *

Для этого окажемся на небольшой полянке, одиноко расположенной в самом, считай, центре громадного непроходимого бора.

Вот на полянке прямо из ничего появляется Слуга. Некоторое время он стоит молча и совершенно неподвижно, лишь глаза его внимательно и тревожно обшаривают окружающее пространство.

С первого взгляда видно, что тут край непуганой дикой природы. Вот косуля выбежала на полянку, остановилась, прислушалась и тут же

бросилась прочь. Ей на смену появляются зубры. Целое стадо этих лесных великанов неторопливой трусцой пересекает наискосок край полянки и ещё долго мелькает потом между деревьями.

— Кажется, я попал крайне неудачно! — недовольно бормочет Слуга. — И ещё, кажется, у меня очень мало времени, и выбраться отсюда мне уже не успеть!

Он вновь начинает внимательно осматриваться вокруг... наконец замечает огромный камень-валун с совершенно плоской вершиной. Слуга подходит к валуну, начинает тщательно ощупывать его гладкую поверхность.

— Ну что ж, — с тяжким вздохом констатирует он. — Так как, выбирать не приходится...

Он вдруг без всяких усилий взмывает в воздух и приземляется точнёхонько на самой середине валуна. Некоторое время Слуга просто молча стоит и озирается по сторонам, потом начинает вдруг делать непонятные пассы руками. Проходит ещё немного времени — и он начинает медленно погружаться в камень. Вот уже он в камне по пояс... вот уже только голова его ещё виднеется на поверхности... а вот и голова исчезает, оставив на камне лишь чёрный берет с пером. Впрочем, тотчас же из камня появляется рука Слуги, которая на ощупь шарит вокруг в поисках берета. Наконец,

берет найден, рука с добычей вновь погружается в камень...

И тотчас же на полянке дружно возникает семёрка преследователей. Некоторое время они молча озираются по сторонам, потом окружают камень.

— Он там, мессир!

— Знаю! Но нам его оттуда не достать, Мастер!

— Выходит, он всё же перехитрил нас?

— Помолчи!

— Может мы сумели бы взять этот камень с собой?

— Нет, Виниул, это повлекло бы неоправданно большие затраты энергии. Во дворце будут недовольны.

— Но мы же не можем оставаться здесь и терпеливо ожидать, когда же ему надоест сидеть в камне!

— Этого не потребуется. Мы окружим камень силовым полем, и наш беглец окажется в ловушке.

— То есть, он не сможет покинуть камень, мессир?

— Самостоятельно, нет! Этот камень станет для него временным местом заточения.

— Великолепная идея, мессир! Ну что, приступим! Все разом!

Семь зелёных лучей упираются в камень, и

под их действием сам камень начинает светиться ярко-зелёным светом. Потом лучи гаснут, камень постепенно тускнеет... вот уже он снова такой, как и прежде.

— Это надёжно, мессир?

— Единственная опасность — помощь со стороны. Но это маловероятно!

— Почему?

— Во-первых, человек этот должен произнести определённые слова. Во-вторых, этот край, вообще, мало населён.

— А я не совсем понимаю, куда мы попали. Это — Татария?

— Скорее, Московия.

— Вы оба ошибаетесь. По-моему, это территория Литвинии.

— Не вижу разницы.

— А её и нет.

— Ну что, уходим?

— Да, пора возвращаться.

— Император будет не очень доволен, мессир. Он так желал увидеть Странника.

— Я думаю, мы сделали всё, что смогли.

— Вряд ли это послужит оправданием, мессир.

— Я и не собираюсь оправдываться, Винул! Тем более, перед тобой!

Поочерёдно, одна за другой, чёрные фигуры

медленно тают в воздухе. Вот уже исчезла последняя из них, и лес снова зажил своей обычной лесной жизнью. На поляне появилась лиса, настороженно понюхала воздух. Белка пробежала по ветке вековой ели, снова между деревьями замелькали зубры...

И всё также неподвижно возлежит на самом краю поляны огромный камень-валун. И возлежать ему так ещё многие и многие столетия, вплоть до нашего с вами времени. А потом...

Впрочем, перенесёмся для начала и мы в собственное своё время.

Наше время. Где-то в Республике Беларусь

Вечер, вернее, уже ночь. Ещё вернее, глубокая летняя ночь, тёплая и волшебная.

Но это как кому...

Яркая полная луна широко освещает окрестности и видно почти как днём. Впрочем, это я, конечно же, немного преувеличиваю. Но, вообще-то, видимость довольно неплохая. Вот, к примеру, с одной стороны хорошо различимо обширное озеро с лунной дорожкой на самой его середине, с другой же стороны мрачно чернеет лес. А между озером и лесом раскинулся шикарный песчаный пляж и ещё более шикарная лужайка, на

которой в данный момент ярко горит костёр. Возле костра кто-то, кажется, сидит, справа от костра виднеется небольшая палатка, слева — солидный автомобиль типа «джип».

Ну что ж, палатками и автомобилями в наше индустриальное время никого особенно не удивишь. Странно только, что в такую позднюю пору кто-то всё ещё продолжает сидеть у костра, причём, в совершеннейшем даже одиночестве. А, может, это поэт и одиночество сие не есть одиночество в прямом смысле этого слова, а есть, скорее, источник вдохновения, то есть, источник того таинственного и непостижимого естества, кое и отличает истинных мастеров художественного слова от нас, простых смертных...

Впрочем, пардон, это я увлёкся и даже, стыдно сказать, ошибся. Ибо поэзией никакой тут и не пахнет, вдохновением — тем более...

У костра уныло и даже опечалено восседает самый обыкновенный, заурядный даже, я бы сказал, молодой человек, по самые глаза укутанный в жёлтое колючее одеяло. Видимо, жалким средством этим молодой человек пытается от комаров защититься, несметными полчищами коих, кажется, пропитан сам воздух здешний. Впрочем, одеяло от кровососов сих настырных — далеко не самая лучшая защита, судя по лихости, с коей молодой человек отмахивается от них свободной рукой

правой. Левой его руки не видно совсем, скорее всего, ею одеяло сие изнутри придерживается...

А впрочем, что это я на каком-то наречии древнем всё балакаю?

Итак, унылый молодой человек в одеяле печально сидит у костра и ведёт неравную битву с несметными комариными полчищами.

Наконец всё это окончательно надоедает молодому человеку и он решительно встаёт и так же решительно направляется в сторону джипа. Тут, правда, вся его решимость куда-то разом испаряется. Некоторое время молодой человек смотрит на машину тоскливым взором, потом, видимо на что-то всё же решившись, деликатно стучит в тонированное стекло.

— Эй! — напряжённым голосом произносит молодой человек. — Эй, вы там!

— Занято! — отвечает из машины кокетливый женский голосок. — А в чём дело?

— Вы ещё долго? — осведомляется молодой человек всё тем же напряжённым голосом.

— А что такое? — вторично раздаётся голос из машины, на этот раз, правда, мужской.

— Я спать хочу! — одним духом выпаливает молодой человек, забрасывая на плечо край одеяла, и сразу же становится похожим на некоего римлянина из фильма.

А в машине начинается вдруг странная

какая-то возня, приглушенный смех, шёпот.

— Я спать хочу! — повторяет молодой человек, впрочем, в голосе его явно чувствуется полная безнадёжность.

— А не с кем? — вновь доносится из машины кокетливый женский голосок. — Бедненький! Серёга, а, может, возьмём его к себе?

— Я те возьму! — бурчит мужской голос.

Дверка джипа чуть приоткрывается, из машины высовывается взлохмаченная шевелюра парня.

— Ну что такое, Шурик? — говорит парень укоризненно. — Ну, что тебе всё неймётся?

— Я не Шурик! — мгновенно вскипает молодой человек в одеяле. — Сколько раз тебе повторять! Я — Алекс!

— Ну, хорошо, Шурик, ты — Алекс! — терпеливо повторяет парень (он же, Серёга) и наконец-таки целиком выбирается из машины. — Ну, так чего тебе, Шу... Алекс?

Серёга этот облачён лишь в какое-то светлое полотенце, точнее, оно, полотенце это, обёрнуто у него вокруг бёдер.

— Слушай, да тут у тебя комары!

— А ты думал! — говорит Шурик, пардон, Алекс. — Ну, так что?

— Что? — спрашивает Серёга, отбиваясь от комариных полчищ. — Не совсем понял!

— Серый, ты обалдел! — сердито говорит Алекс. — Уже... — он смотрит на часы,...уже третий час ночи!

— Да? — удивлённо переспрашивает Серёга. — Уже третий? Как время быстро идёт, тебе не кажется?

Но Алексу, увы, так не кажется.

— Понимаешь, — говорит он, — я вчера плохо выспался...

— Да? — вновь повторяет Серёга, думая о чём-то своём.

В это время опускается стекло на задней дверке и из окошка высовывается почти по пояс хорошенькая брюнеточка. Естественно, она тоже не одета совершенно.

— Пупсик, — укоризненно говорит брюнеточка Серёге, — ты почему меня бросил?

Высунувшись ещё больше, она пытается обнять Серёгу за шею, наконец, ей это удаётся. Серёга страстно её целует, она отвечает ему тем же. На Алекса они не обращают ровным счётом никакого внимания...

— Ух, ты, моя рыбонька!

— Ух, ты, мой зайнышка!

— В общем, вы как себе хотите, а я иду спать! — тоном, не терпящим возражения, говорит Алекс. — Слышите?! Я иду спать, слышите!

— Да?! — говорит Серёга, оторвавшись на

мгновение от своей рыбоньки. — А, ну да! Иди, Шурик, то есть, я хотел сказать, Алекс! Иди себе...

— Приятных снов, Шурик! — воркует брюнеточка и вновь принимается целовать своего зайчика. Потом задняя дверка джипа на мгновение распахивается, и зайчика (он же Серёга) вновь исчезает в темноте автомобиля, стёкло, естественно, вновь ползёт вверх. Из джипа слышится нежный шёпот рыбоньки, потом раздаётся тихий приглушенный смех, а ещё потом джип вдруг начинает раскачиваться из стороны в сторону, словно он и не джип вовсе, а некое живое существо. Некоторое время Алекс тоскливо и безнадёжно смотрит на всё это безобразие, потом резко поворачивается и, вновь закинув край одеяла на шею наподобие древнеримской тоги, медленно бредёт назад, к костру.

— Шурик! — слышит он позади себя вкрадчивый женский шёпот, тотчас же вздрагивает, словно от удара, резко оборачивается.

Брюнеточка, по-прежнему совершенно неодетая, а другими словами сказать, попросту обнажённая, стоит возле джипа, опираясь рукой на его чуть приотворённую дверку. Она смотрит на обалдевшего от неожиданности Алекса томным притягательным взором, медленно проводя языком по пухлым, ярко окрашенным губам, Алекс тоже молча смотрит на неё выпученными глазами,

впрочем, смотрит он не на губы, а чуть ниже. И даже, значительно ниже...

— Шурик! — шепчет брюнеточка, как бы ненароком лаская обеими руками пышную свою грудь. — Хочешь?

Алекс неуверенно кивает головой.

— Правда, хочешь?

Алекс вновь кивает головой и делает один неуверенный шаг в её сторону.

— И сильно хочешь?

Ещё один кивок головой и два неуверенных шага...

— А я не хочу!

С хохотом брюнеточка исчезает в джипе, хлопнув за собой дверь. Мгновение спустя и сам джип вновь начинает быстро и ритмично подрагивать.

В сердцах пнув валявшийся под ногами камень и больно ушибив при этом ногу, Шурик, он же Алекс, прихрамывая, возвращается на прежнее место и, подбросив в костёр новую порцию топлива, замирает в горестном раздумье. В это время из проёма палатки выползает другой парень, из всей одежды на нём, естественно, тоже лишь полотенце, наискосок опоясывающее бёдра. Парень подходит к костру, присаживается рядом с Алексом, прикуривает от горячей веточки. Он высокий, широкоплечий, с великолепно, даже

излишне развитой мускулатурой.

— Не спится?

Алекс ничего не отвечает, да и что ему отвечать. Парень, бросает быстрый взгляд на джип, всё ещё никак не желающий утомиться, потом он некоторое время смотрит на палатку...

— Да, глупость сморозили, — говорит парень, без всякого, впрочем, выражения. — Надо было две палатки брать.

— Надо было, — тоже без всякого выражения соглашается с ним Алекс.

— Искупаться не хочешь? — спрашивает вдруг парень. Он аккуратно кладёт недокуренную сигарету возле костра, встаёт, потягивается, играя великолепными мышцами. — Пошли!

— Что? Сейчас? — огорошено говорит Алекс и его зябко передёргивает. — Холодно!

— Кто сказал?!

Парень бежит в сторону озера, через мгновение там слышится приглушённый всплеск. Алекс вновь подбрасывает дровишек в костёр, в это время из палатки выбирается девушка. В отличие от девушки из джипа она блондинка и притом очень красивая. Из одежды на ней только рубашка, явно мужская, девушке она почти до колен. У костра девушка опускается на корточки, берёт дымящуюся сигарету, оставленную парнем, молча курит. Алекс сидит рядом и тоже молчит, стараясь не смотреть

на девушку. Похоже, он к ней далеко равнодушен.

— А где Никита? — спрашивает девушка чуть хрипловатым и в то же время удивительно приятным голосом.

Алекс, словно потеряв дар речи, лишь молча указывает направление кивком головы.

— Купаться пошёл? — довольно равнодушно осведомляется девушка.

Алекс и на этот раз лишь молча кивает головой.

— Вот кретин!

Некоторое время они сидят молча. Девушка курит, Алекс украдкой за ней наблюдает. Со стороны озера доносится громкий боевой клич Никиты, отдалённо напоминающий крик Тарзана из одноименного фильма.

— Идиот! — ещё более равнодушно говорит девушка. Она затягивается последний раз, затем швыряет окурок в костёр и смотрит на Алекса так, словно только сейчас его увидела. — А ты чего не спишь?

И вновь Алекс вместо ответа лишь пожимает плечами.

— Понятно.

Девушка стаёт, одёргивает рубаху.

— Иди, ложись!

— К-куда? — заикаясь, спрашивает Алекс.

— Туда! — говорит девушка, оказывая на палатку.

— А... а ты?

Со стороны озера вновь доносится душераздирающий крик «Тарзана». Алекс и девушка, не сговариваясь, молча оборачиваются в ту сторону.

— А я — купаться! — с каким-то странным, непонятым выражением в голосе говорит девушка. — Ночные купания... это очень полезная и, главное, увлекательная вещь! Ты так не считаешь?

И, не дожидаясь ответа, она идёт в сторону озера, исчезает во мраке. Алекс вздыхает, смотрит на палатку, но почему-то так и остаётся на прежнем месте. Он лишь горестно вздыхает и ещё плотнее заворачивается в жёлтое колючее одеяло.

Покинем же и мы на некоторое время волшебное сие место, дабы вернуться на него уже ранним утром. Ба, да вот же и оно, раннее утро!

Раннее утро. Туман

У потухшего костра, с головой завернувшись в одеяло, спит Шурик (пardon, Алекс).

Ну что ж, пока ничего интересного. Придётся подождать до позднего утра.

Позднее утро

Солнце уже всходит над лесом, голубое безоблачное небо обещает хороший солнечный денёк.

Алекс продолжает спать.

Из палатки выбирается блондинка, уже вполне одетая, останавливается, молча смотрит на спящего Алекса. В это же время хлопает дверка джипа и из неё вываливается Серёга, тоже вполне одетый. Сладко потягиваясь, он подходит к девушке.

— Салют, Елена Прекрасная! Как дела?

— Супер! — однозначно и довольно сухо отзывается девушка.

— Понятно! — говорит Серёга и потягивается вторично. — Не выспался, чёрт!

Из палатки высовывается голова Никиты.

— Ленка, где мои брюки? — слегка раздражённо осведомляется он. — Куда ты их дела?

— Съела! — говорит Ленка, не оборачиваясь и по-прежнему не сводя глаз со сладко спящего Алекса.

— Я так и понял! — ворчит Никита, голова его вновь исчезает в палатке.

— Вы что, купаться ночью ходили? — спрашивает Сергей.

Ленка ничего не отвечает.

— Елена Прекрасная, к тебе обращаюсь!

— Да не ори ты так! — негромко отзывается Ленка. — Видишь, человек спит!

— Кто? Шурик?

Кажется, Серёга только сейчас замечает спящего Алекса.

— Пускай просыпается! — он наклоняется, трясёт Алекса за плечо. — Шурик, подъём!

— Не трогай, кому говорю!

Ленка отталкивает Серёгу от Алекса. В это время из палатки, наконец, выбирается Никита. В брюках, с полотенцем в руках.

— Что за шум, а драки нет? — бодрим голосом вопрошает он.

— Совести у вас нет! — говорит Ленка. Она выхватывает из рук Никиты полотенце, молча идёт в сторону озера. Парни тоже молча смотрят ей вслед, потом вновь поворачиваются в сторону сладко спящего Алекса.

— Шурик, пора вставать! — гаркает что есть силы Серёга. — Подъём!

— Пускай спит! — неожиданно вступает за Алекса Никита. — Он что, мешает тебе?

— Конечно, мешает! Разлэгся, не пройти, не проехать!

— Ну, давай его тогда в палатку закинем! — вносит предложение Никита.

— Давай! — радостно соглашается Серёга. —

На счёт «три»!

Они подхватывают Алекса вместе с одеялом. Слегка раскачивают и, на счёт «три», забрасывают в полураспахнутый створ палатки. Странно, но Алекс даже не просыпается при этом. Он лишь поплотнее укутывается во все имеющиеся в наличии одеяла, машинально натягивает на себя ещё что-то из одежды... он улыбается, кажется, ему снится что-то очень хорошее...

Заглянем же и мы в этот его сон.

Сон Алекса

Ночь. Алекс по-прежнему сидит у костра, укутавшись в одеяло, и молча смотрит в пляшущие огоньки пламени.

— Алекс! — слышит он нежный шёпот, поворачивается к палатке, возле неё стоит Ленка, на ней что-то очень лёгкое, почти прозрачное.

— Алекс! — слышится с противоположной стороны.

Алекс оборачивается. Возле джипа стоит брюнетка в аналогичном виде.

— Иди ко мне, Алекс! — призывно и соблазнительно шепчет Ленка. — Иди, не пожалеешь! Я дам тебе всё, что ты пожелаешь!

Алекс торопливо встаёт (вернее, вскакивает даже) и делает шаг в сторону палатки.

— Иди ко мне, Алекс! — не менее соблазнительно шепчет брюнетка, и Алекс немедленно оборачивается в её сторону. — Я дам тебе больше!

Алекс в явной нерешительности. Видно, что обе девушки ему здорово нравятся.

— Я люблю тебя, Алекс! — продолжает шептать Ленка, вплотную приближаясь к юноше. — А ты меня любишь?

— Да! — шепчет обалдевший от такого внимания Алекс. — Да!

— А меня? — шепчет брюнеточка, медленно подходя к Алексу с противоположной стороны.

— И тебя! — гаркает счастливый Алекс, обхватывая обеих девушек за стройные талии.

— Э, нет!

Обе девушки одновременно отшатываются от Алекса.

— Ты должен выбрать одну из нас! — сурово говорит Ленка. — Только одну! Вторая умрёт!

— Что? — глупо улыбаясь, переспрашивает Алекс. — Кто умрёт?

— Одна из нас!

Всё вокруг вдруг мгновенно преобразается, словно по мановению волшебной палочки. Ночь сменяется днём, одеяло Алекса превращается в... пурпурную тогу, на голове у него самый настоящий золотой венец. А обе девушки уже стоят друг

против друга в костюмах гладиаторов и с мечами в руках. Увидев, что Алекс смотрит на них, девушки разом поднимают мечи над головой.

— Идущие на смерть приветствуют тебя, о, великий Алекс! — хором произносят они.

— Вы чё, девчата? — растерянно и как-то жалобно говорит Алекс. — Вы чё, сдурели?

Вместо ответа лязгнули мечи. Обе девушки принялись так лихо наносить и отражать удары, что только искры посыпались из-под мечей.

— Не надо! — кричит Алекс, срывая с головы золотой венец и неистово им размахивая. — Не надо кровопролития! Брэк! В угол! Овер тайм!

Не обращая внимания на эти его слова, девушки продолжают сражаться словно одержимые.

— Прекратите! — кричит Алекс. — Я... я вас обоих любить буду! Я вас обоих...

— Что? Обоих?! — одновременно вскрикивают обе девушки, прекратив, наконец, сражаться.

— Как ты смеешь нам предлагать такое! — с презрением говорит брюнетка, опуская меч. — Это гадко!

— Это унижительно! — добавляет Ленка, наоборот, высоко поднимая свой меч над головой. — Лучше смерть!

— Лучше смерть! — подтверждает и

брюнетка, тоже высоко вскидывая меч. — Лучше смерть, чем позор!

И они одновременно пронзают друг дружку мечами и падают бездыханные у ног Алекса.

— Я... я... — запинаясь, бормочет Алекс, растерянно глядя на неподвижные тела девушек. — Я не это имел в виду... Я не хотел, правда, не хотел!

Вдруг брюнетка застонала и чуть пошевелилась. Алекс бросается к ней.

— Ты жива?

— Нет! — хрипло произносит брюнетка и поворачивает к Алексу голову типичного мертвеца из фильма ужасов с длинными, собачьими клыками во рту. — Я мертва! Это ты жив! Пока жив!

Она протягивает к Алексу синие руки с острыми когтями, и, взвизгнув от ужаса, Алекс бросается прочь. Он бежит, а вокруг него уже снова ночь и луна прямо над головой и где-то неподалёку слышно злое завывание. А может и не волчье, кто знает. Наконец Алекс, спотыкаяется и кубарем летит наземь, а когда поднимается на ноги, возле него стоят Серёга и Никита.

— Ты во что это вырядился, Шурик? — недоуменно спрашивает Никита.

— Я... это... — мямлит Алекс, осматривая себя. И как-то сразу же тога вновь превращается в одеяло, золотой венец тоже куда-то исчезает. — Так